

Сергей Прокопьев

**МИНИ-РОМАН
О БАБУШКЕ
ПОЛИН**

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

Мини-роман о бабушке Полин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48438560

SelfPub; 2019

Аннотация

Не будь этой семьи, не живи эти люди на земле – жизнь была бы на долю градуса пресней. Само собой – грешили. Покажи бесовская канцелярия перечень прегрешений каждого, не на один том набралось бы. Осуждали ближнего и дальнего, обижали и тех, и других, злобу под сердцем носили почём зря, гордыней страдали, смирением не отличались, но и украшали собой землю. Что там говорить – украшали. Песнями, чудачествами, детьми. Он – Фрол Кузьмич, она – Полина Ивановна. Что один, что другая – личности харизматичные. Он и фронтовик, и гармонист, а она первая певунья на селе и рыбные пироги стряпала как никто.

Содержание

Сергей Прокопьев	4
Артист-пулемётчик	4
Сценические и печные подмости	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Прокопьев МИНИ-РОМАН О БАБУШКЕ ПОЛИН

Артист-пулемётчик

Не будь этой семьи, не живи эти люди на земле – жизнь была бы на долю градуса пресней. Само собой – грешили. Покажи бесовская канцелярия перечень прегрешений каждого, не на один том набралось бы. Осуждали ближнего и дальнего, обижали и тех, и других, злобу под сердцем носили почём зря, гордыней страдали, смирением не отличались, но и украшали собой землю. Что там говорить – украшали.

Он – Фрол Кузьмич Кругляков, она – Полина Ивановна с той же фамилией. Что один, что другая – личности харизматичные. Фрол – фронтовик. Без ноги вернулся с Великой Отечественной в родную Белоярку. По этой причине конторским стал. В госпитале освоил бухгалтерское дело. Тут власть заботу проявляла – обучали покалеченных фронтовиков инвалидным специальностям. Бухгалтер он и без ноги мог дебет с кредитом на счётах сводить под ноль. Язык у Фрола Кузьмича от природы ораторски подвешенный, на войне не пострадал, а только закалился. Утром в контору

Фрол Кузьмич загодя приковывается. Мужики у крыльца курят, обязательно кто-нибудь спросит: «Фрол Кузьмич, чё там пишут?» Фрол Кузьмич газеты да журналы пачками выписывал. Как начнёт рассказывать, что да почему на земном шаре творится. Давал перцу империалистам, что на Кубу хобот поднимали или ещё какие козни устраивали против бьющихся за свободу негров. Вьетнам американцы напалмом жгли... На основе газетной скукоты такой политтеатр разворачивал механизаторам, скотникам и остальным колхозникам – только держись. И за столом незаменимый тамада с неизменным баяном. И пел... Высокий, чистый голос... «Соловушка наш!» – бывало, расчувствуются бабы...

Кстати, о птичках певчих. Точнее – о войне. Три года без малого день в день отрубил на передовой Фрол Кузьмич, но при всём своём красноречии рассказывать о славном боевом пути не любил. Категорически. Отшучивался, если кто начинал с расспросами вязаться:

– Да чё я воевал?! На гармошке всю дорогу песни играл.

– Артистом, что ли?

– Ну! Артист-пулемётчик. «Строчит пулемётчик за синий платочек...» Постреляю чуток по фрицам, чтоб не вякали, и за гармошку или баян. Как-то деревню под Орлом освободили, аккордеон немецкий ребята принесли. На нём тоже наловчился пиликать.

Напиликал Фрол Кузьмич на два ордена Боевого Красного Знамени, медаль «За отвагу», орден Красной Звезды.

Творчески получалось не только меха баяна растягивать, пулемёт в руках сибиряка тоже искусно строчил по бойцам фрицевской армии. Командовал Фрол Кузьмич расчётом «максима». И Бог хранил его на передовой. В солдатах был щупленьким, не всякая пуля ужалит такую цель. Пулемётное гнездо, известное дело, кость в горле для врага. Первым делом норовит он эту огневую точку заткнуть, лупит по ней из чего только можно. Фрол Кузьмич за щитом «максима» голову, плечи, грудь, остальное худенькое туловище ухитрялся прятать от пуль и осколков. А куда длинные ноги девать? На них не хватало защиты. Пять раз слабому месту доставалось.

Четыре первых ранения, можно сказать, были пристрелочными. Последнее случилось при переправе через Западный Буг. С группой бойцов десантом под шквальным огнём переплыли реку, на вражеском берегу зацепились за высотку, дабы обеспечить подход основных сил, да батальон, идущий следом, немцы остановили, не дали с ходу занять позиции. Четырнадцать часов, весь световой день, пулемёт Фрола Кузьмича держал оборону. Ствол «максима» раскалился докрасна, казалось, не стрелял, а плевался огнём. Одиннадцать атак отбила тающая горстка солдат.

Из пяти бойцов расчёта Фрола Кузьмича к вечеру уцелели всего двое, плюс «максим», тот тоже продолжал воевать – очередь за очередью посылать в немецкую сторону. «Кажется, продержались!» – в сумерках подвёл итог трудового дня

Фрол Кузьмич. И поторопился подводить черту, немецкий коллега-пулемётчик крупнокалиберной очередью резанул по ногам гармониста. Раненого сразу бы к хирургу на стол. Да где тот хирург со столом? Пока наши в темноте подошли, пока Фрола Кузьмича в госпиталь переправили, пока до него очередь дошла, ничего другого не оставалось, как ампутировать правую ногу выше колена. Отвалялся Фрол Кузьмич полтора года в госпиталях и вернулся в родное село с гармошкой, орденами и на протезе. Искусственная нога не помешала первую красавицу взять в жёны.

Сценические и печные подмостки

И не только красавицу отхватил в жёны фронтовик, по музыкальной части она в самый раз подходила Фролу Кузьмичу. Полина Ивановна – певунья. Грудной сочный голос. Меццо-сопрано по-научному. И внешними данными в молодости была, как с оперной сцены шагнула на сельскую улицу. Не с балетных подмостков, где, как известно, не женщины, а кости да мышцы, кожей обтянутые. Оперные певицы – совсем другое дело. Голос он лучше в пышных формах держится. Ему плодородную почву подавай. Нужны стать, рост, объём груди. Как запоёт Полина Ивановна! Красота! На всех гулянках первая исполнительница народных песен. На ча-стушки-пустобрёшки – похихикал и забыл – не тратила талант. Предпочтение отдавала протяжным, где душа горлом рвалась наружу. До слёз пробирала. Пусть и полупьяных. А ведь тоже надо уметь. Любила затянуть:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой.
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.

Песня сметала широкой волной разговоры. За столом делалось тихо, как в концертном зале. Так уж повелось в засто-

льях – этой песне-балладе не подпевали, все слушали. Виделась Волга с высоченными заснеженными берегами, тройка на искрящейся под солнцем дороге и ямщик, объятый тяжёлой думой, с раной на сердце – навсегда терял любимую девушку...

Ах, барин, барин, скоро Святки,
А ей не быть уже моей,
Богатый выбрал, да постылый –
Ей не видать отрадных дней...

Что уж там творилось внутри Полины Ивановны, когда пела? Спроси – она и сама бы лишь плечами пожалала... Кажалось бы, где та Волга подо льдом? Где та тройка под расписными дугами? Где тот ямщик с ремённым кнутом? Но звучала песня так, что с последней нотой хотелось садануть себя кулаком по колену, выдохнуть, мотнув головой: «Эх!.. Жизнь ты моя поломатая!»

У Фрола Кузьмича, отчаянного пулемётчика, любимой песней была «Безымянная высота». На День Победы исполнял её обязательно. Девятого мая у обелиска в центре села собирались воины Великой Отечественной. Фрол Кузьмич приходил с баяном. «Безымянную высоту» пели все фронтовики. У каждого случалось в круговерти войны: «Нас осталось только трое из восемнадцати ребят».

В домашнем хозяйстве, что Фрол Кузьмич, что Полина

Ивановна, не блистали талантами. Детей-то нарожали, дай Бог каждой семье. По демографическому показателю плодovitая вышла пара: пять сыновей и две дочери. А хозяйство – смех. Корова вечно по титьки в навозе. В огороде травища по пояс. Что дети сделают, то и ладно. Фрол Кузьмич по причине протеза не рвался на передовую домашних проблем. Полина Ивановна выборочно относилась к ним. В огородных делах явно была не прима. Здесь формула «талантливый человек – талантлив во всём» применения не имела.

Чего не скажешь о кулинарном даре! Особенно, если вдохновение поварское накатывало. Не обязательно по причине праздника. Могла под вечер прийти с работы, служила библиотекарем в школе, и вдруг зачешутся руки... И пошло-поехало. Кураж Полины Ивановны передавался русской печке. Белёной толстобоклой красавице, что стояла главным атрибутом-агрегатом большой кухни. Как гармошка в руках Фрола Кузьмича, которая преображалась, когда хозяин входил в азарт, так и печь. Полина Ивановна ворочала чугунками, кастрюлями, сковородками, печка гудела огнём, дышала созидательным жаром. Вареве-жареве бурлило, скворчало, источало ароматы... Готовила Полина Ивановна в циклопических количествах. Оно и понятно – орава в доме. Поэтому чистить, резать, крошить приходилось горами. Если бы Ахматова увидела этот процесс, она бы точно привела цитату из себя: «Когда б вы знали, из какого сора растут цветы...» Охваченная порывом кулинарного созидания, Полина

Ивановна не думала о мелочах, отходы летели во все стороны, если что задерживалось на столе (луковая шелуха, картофельные очистки), тут же следовал широкий жест, смахивающий помехи на пол – нечего путаться под руками. Как скульптор избавляется от лишнего, высекая из камня шедевр, так Полина Ивановна, отбрасывала в сторону ненужное.

– Мам, мы только что пол подмели, вымыли! – завозмущаются дочери при виде варварской картины.

– Не скиснете! Ещё раз уберётесь!

Гудел огонь, умопомрачительные запахи распространялись по всему дому...

В процессе творческого порыва вдруг обнаруживалось отсутствие необходимого ингредиента. Полина Ивановна, как полководец, ведущий решающее сражение, бросала в бой резервы. Отправляла детей в магазин. Если сыновья-дочери отсутствовали под рукой, успевали смыться к данному моменту, приходилось решать проблему с привлечением соседских запасов. В нетерпении творца Полина Ивановна выскакивала на высокое крыльцо, кричала соседке, что жила за глухим дощатым забором:

– Лена, выручай! Соль кончилась!

Голос Полины Ивановны пробивал любые заборы и стены. Пол-улицы тут же узнавало о солевом дефиците у Кругляковых. Лена щедро сыпала в стакан соль, бежала к соседке, обязательно спрашивала, предвосхищая события:

– Может, ещё чё надо? Принесу!

– Не, у нас всё есть! – звучало в ответ.

Но вскоре раскрасневшаяся от внутренней энергии и внешнего печного градуса Полина Ивановна снова кричала с крыльца:

– Лена, лаврентия неси!

Лаврентий – не мужик в очёчках и с усами, лютый госдеятель времён сталинизма. Лаврентий – лавровый лист.

– Недавно покупала, – принимала от Лены специю, – да на мою шоблу не напасёшься!

Могла понадобится томатная паста, перец-горошек. Да мало ли что. Лена с удовольствием выручала соседку, она знала – в последний раз Полина Ивановна выскочит на крыльцо с призывным:

– Лена, айда пробовать!

Полина Ивановна была из тех художников, которые не прячут произведения по запасникам, а щедро выставляют их на суд почитателей. Лена бросала всё и летела снимать пробу с шедевра.

Элементарные щи получались гениально. Рассольник из почек – ел бы и пел. Исходный материал для блюд (скажем, мясо), конечно же, самой высокой кондиции. При должности Фрола Кузьмича только качественные продукты могли доставляться в дом. Да ведь чей желудок не испытал на себе истину: легче пареной репы превратить отличный продукт в тошнотворное варево. У нас – ничего подобного. Корон-

ным блюдом у Полины Ивановны считались рыбные пироги. Они имели высочайший рейтинг в Белоярке. Стояло село на берегу Иртыша не одну сотню лет, местные жители спокон веку умели обращаться с рыбой, но... Если у кого-то из сельской элиты случалось особой важности торжество – шли на поклон к Полине Ивановне с нижайшей просьбой испечь пироги. И потом блюдо за столом торжественно представлялось как авторское, фирменное. Все знали: пироги от Кругляковой – значит, высший класс.

Исключительная была повариха Полина Ивановна, тогда как на стирку талантов не хватило. Мешал размашистый характер. Могла вместе с половиками праздничные рубашки сыновей замочить. Рассуждала: чё зря стиральный порошок и время терять? Замочит на полчаса, а тут на гулянку, к примеру, позовут. Мало какое сельское торжество (именины, крестины, свадьбы, проводы в армию, встреча родственников) обходилось без Кругляковых. Фрол Кузьмич в одном лице две роли исполнял. С одной стороны, гость почётный, почти свадебный генерал, колхозный бухгалтер – должность высокая, а с другой – баянист, каких поискать. И человек компанейский, в нужный момент он и анекдот расскажет, и любой политический вопрос разложит по полочкам. Ну и Полина Ивановна – звезда не второй величины, украшение любой компании... Позовут Кругляковых на гулянку... И если Полина Ивановна у корыта в тот момент окажется, приоритет в дилемме – стирать или гулять – не первому отдаётся.

Поэтому нескоро возвратится к замоченному белью хозяйка. И результат может получиться не слишком радостный для стираемых предметов. Кинутся сыновья рубашки искать, на танцы, к примеру, идти в клуб, а рубашки полосами от половиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.